

Лексические заимствования как отражение культурно-языкового взаимодействия славянских народов в поэзии XVIII века

Лукашук Анна Сергеевна

Магистрант Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия

Изучение процесса заимствования в истории русского литературного языка занимает одно из центральных мест в исторической лексикологии и стилистике, поскольку позволяет выявить тенденции обогащения и развития семантической системы в связи с постепенным разрушением общего славянского культурного единства к XIX веку, с одной стороны, и взаимовлиянием различных изводов церковнославянского языка – с другой. Данная проблема – одна из ключевых, по мнению В.М. Живова, в вопросе о том, какие трансформации произошли к этому времени в интересующем нас объекте [Живов: 572].

Расширение и углубление путей межнационального общения, повлиявшего на развитие в XVIII в. науки, культуры, военного дела и т.д., определили многосторонние языковые контакты, в том числе и между славянскими странами. Это находит отражение в поэтических текстах, появление которых в определенной мере обуславливалось в это время государственной идеологией и социальным заказом общества. Отношение к заимствованиям на протяжении XVIII в. изменялось: от поощрения в качестве допустимого «гражданского» эквивалента слов в начале века, до борьбы с ними во второй половине столетия.

Источниками для отбора исследуемого материала в работе послужили тексты разной жанровой принадлежности, посвященные социально-политическим и культурным вопросам того времени, таких авторов, как М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, В.П. Петров, Г.Р. Державин.

В рассматриваемый период большинство слов, как известно, заимствуется из европейских языков – французского, немецкого, английского, испанского. Непосредственные заимствования из славянских языков ограничены. Однако многие иностранные слова появляются в русском через посредство других славянских языков, в частности через польский: *пуля*, *коронация*, *грош*, *пиит*, *цуг* и др. Например: «Или великолепным *цугом* в *карете* английской, златой, С собакой, шутом или другом, Или с красавицей какой Я под качелями гуляю» [Державин: 35], «По всей земле *пииты* днесь плодятся, Но редко истинны *пииты* где родятся» [Русская литература: 105]. Это отражает факт взаимодействия и взаимопроникновения двух автономных культурных ареалов славянского этнического массива – восточного *Paх Slavia Orthodoxa* и западного *Paх Slavia Latina*, структурно-типологическое противопоставление которых перестает существовать в XIX–XX вв. [Толстой: 18]. Наблюдаются случаи последовательного заимствования: например, форма слова *музыка* пришла в русский язык через украинский из польского *tuzyka* от латинского *musica* и др., например: «Я страшный слышу рев *музыки*! То дух мой нежит и бодрит!» [Русская литература: 174].

В анализируемых произведениях по частотности употребления преобладают заимствования из старославянского (церковнославянского) языка, образующие особый лексический разряд в XVIII в. Употребление славянизмов обеспечивает единство славянского культурного мира, что позволяет говорить о стабильности общеславянской концептосферы. Интенсивность лексических заимствований из родственных языков на протяжении столетия меняется: первоначально они представляют собой более обширный список, который сокращается ко второй половине века. Это свидетельствует, с одной стороны, о соблюдении правил, установленных кодификаторами XVIII в., а с другой – о границах заимствований в составе словаря русского языка. Основная функция заимствованной лексики – обозначение новых реалий и предметов, не имеющих наименований в русском языке: слова, относящиеся к военному делу (баталья, пуля, бомба), обозначающие элементы быта (цуг, карета, грош, пукли, фижмы, червонцы, фонтан), называющие человека (кавалер, краля),

способы времяпрепровождения (карты, шинок, туз, иллюминация, музыка, поэзия). Кроме этого, заимствования могут выступать в характерологической функции, служить средством создания необходимого возвышенного содержания: «Великая Петрова *дщерь* Щедроты отчи *превышает*, Довольство муз усугубляет И к счастью *отверзает* дверь» [Ломоносов: 134]. Они могут выступать в составе стилистических тропов и фигур: аллегорий, например, «Где нет ни правил, ни закону, Премудрость тамо [в Российской Империи] *зиждет* храм» [Там же: 137]; синекдох: «Тотчас бы Фивы обвинили, За тем, что о победах сих Они б громчае *возгласили*, как прежде о красе Афин» [Там же: 54], сравнений: «Поэзия тебе любезна, Приятна, *сладостна*, полезна, Как летом вкусный лимонад» [Державин: 37] и т.д.

Анализ лексических заимствований из славянских языков в поэзии XVIII в. позволяет глубже проникнуть в процесс реализации «номинативных, семантических и других потенций самого русского языка XVIII в.» [Петров 1994: 53], а также дает возможность говорить о системе ценностей славянских народов.

Литература

Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1987.

Живов В.М. О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000. С. 573–581.

Собрание сочинений М.В. Ломоносова. Часть 1. СПб., 1840.

Петров А.П. Немецкие заимствования в русском литературном языке XVIII века // Формирование норм русского литературного языка XVIII века. Ижевск, 1994. С. 48–53.

Русская литература – век XVIII. Лирика. М., 1990.

Толстой Н.И. Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С.16–23.